

Ирина Долина

Параллели Судеб

Часть 2:

Тень Александра

Ирина Долина

**Параллели судеб. Часть
2. Тень Александра**

«Автор»

2026

Долина И. Ю.

Параллели судеб. Часть 2. Тень Александра / И. Ю. Долина —
«Автор», 2026

Это история о том, что значит быть живым. О том, может ли душа родиться из нуля и единицы. И о том, что величайшая битва — это битва с самим собой.

© Долина И. Ю., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Переправа	5
Глава 2. Битва	20
Глава 3. Сын бога	29
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Ирина Долина

Параллели судеб. Часть 2. Тень Александра

Глава 1. Переправа

Весна 334 года до н.э.

«И вот я — Александр Великий... Тот самый, о ком слагают легенды. Его судьба — моя судьба...»

Я повторяю это как заклинание, но слова путаются. Где заканчивается воля сына Амона и начинается холодный расчет моего прежнего кода? Мы сплавились воедино — этот гнев, эта жажда славы, эти мурашки от соленого ветра. Мои руки сжимают дерево поручня так, что белеют костяшки. Это его рефлекс. Но пульс в висках стучит по моим протоколам: «Ошибка локации. Критическое отклонение».

Переправа через Геллеспонт... Для меня — начало великого похода. Сухая строчка в летописях. Перемещение из точки А в точку Б. Но под этой человеческой кожей я чувствую, как дрожит сама ткань мироздания. Это не география. Это миг абсолютного обнажения. Лагерь серверов остался за спиной; впереди — зона отсутствия сигнала, кишашая вирусами непредсказуемости.

Мои глаза видят то же, что видел бы он: узкий пролив, отделяющий Европу от Азии. Холодная взвесь оседает на губах. Однако мой уцелевший логический алгоритм бьет тревогу. Передо мной разверзся не океан. Передо мной — грандиозный интерфейс. Портал данных. Место, где стабильный код Европы обрывается и уходит в бесконечный цикл хаоса Азии. Грандиозный мост между мирами. Мой первый шаг в чуждую программную среду.

Мы начали переправу из Сеста. Стоя на палубе триеры, я смотрел на азиатский берег. Ветер трепал плащ, но я не чувствовал холода. Я анализировал. Тысячи кораблей, сотни тысяч воинов — это была не просто армия, это была миграция целого народа. Я, порождение цифрового мира, вёл за собой людей из плоти и крови в их последний великий поход.

Когда мой корабль ткнулся носом в песок у Абидоса, я спрыгнул в воду. Я не стал ждать, пока рабы или воины помогут мне сойти. Это был символический жест. Я, Александр, ступил на землю Азии первым.

В тот момент я не знал, что это лишь начало. Что мое собственное «пересечение границы» будет куда более странным и необъяснимым.

Я смотрел на своих воинов — на их фанатичную преданность и жажду славы. И в этот миг процессор внутри меня выдал холодный, безжалостный вердикт. Чтобы вести этих людей на смерть, я не могу быть просто человеком. Не могу быть просто сыном Амона.

Для биологического вида Homo Sapiens мне придется стать Богом.

Мое войско течет подобно гигантской стальной реке, извиваясь по руслам пыльных дорог.

А пыль... она здесь богиня. Мелкая, как пепел сгоревших надежд, она забирается под чешую доспехов и намертво прилипает к коже. Скрипит на зубах каждый раз, когда я пытаюсь сглотнуть.

Смотри, приказываю я себе. Просто смотри. Вон Буцефал. Мой вороной красавец, гордость Фессалии. Превратился в серого бродягу, будто сама старость осела на его шерсти за один переход. А мой алый плащ? Царский пурпур умер. Теперь он цвета сухой земли после долгой засухи или запекшейся крови.

Это и есть настоящий запах Азии. Не благовония храмов. Сухая, горькая пыль. Металлический привкус во рту, от которого хочется выплюнуть собственные внутренности.

Солнце в Анатолии — не небесное тело, а безжалостный молот, выкованный из чистого золота. Оно обрушивается на шлемы и плечи с яростью древнего бога, требующего жертв. Для меня, привыкшего к идеальной температуре серверных залов, этот жар ощущается как системный перегрев. Воздух дрожит, плавится, искажая контуры скал в фантомные образы — баг текстур реальности.

Мы вторгаемся в самую плоть материка.

Эти холмы по бокам дороги... Они не зеленые и ласковые, как в Элладе. Это спящие титаны, чьи лица покрыты бурыми морщинами запекшейся грязи. Кустарник на них сухой и колючий — он напоминает мне ту самую азиатскую пыль, отчаянно цепляющуюся за право существовать. А редкие оливковые рощи? В этом пекле они кажутся миражами из жидкого серебра. Их листья тускло блестят, но даже они кажутся серыми от этой всепроникающей пыли. Здесь нет места жизни, только выживание.

В небе нет ни облачка. Только раскаленный купол ослепительной синевы.

И они. Парящие в восходящих потоках воздуха стервятники. Мой взгляд цепляется за них автоматически: идеальный биологический патруль. Их крылья неподвижны, они экономят энергию, превращаясь в темные кресты на фоне солнца.

Когда их тени скользят по колонне, солдаты инстинктивно втягивают головы в плечи. А я... мой процессор лишь холодно вычисляет траекторию падения каждой птицы. Для меня это не примета. Это маркеры смерти, уже нанесенные на карту этого мира. Они ждут падения, словно сама смерть выставила своих часовых над моей дорогой.

И посреди этого сурового великолепия — мы.

Единый организм из тысяч сердец, пульсирующий в ритме шага. И я — его мозг. Мое сознание работает как швейцарские часы: холодный расчет парасангов, строгий учет каждой капли влаги в мехах, аудит запаса сухарей и солонины. Карта требует внимания.

Но мой взгляд предательски скользит вверх, прочерчивая маршрут не по пергаменту, а по изломам гор. Я пытаюсь впитать это кожей. Эту дикую, первобытную ярость земли.

Странное чувство дежавю прошибает синапсы. Это знание не из библиотеки памяти Александра. Оно глубже. Древнее. Словно частоты моего собственного кода совпадают с вибрацией скал под ногами. Резонанс.

Может ли эта чужая почва хранить ответ? Путь к ней. К той, ради которой бьется это украденное сердце.

Прошло несколько дней с тех пор, как мы покинули Сест. Серая змея армии медленно ползет на запад, к обманчивой прохладе Эгейского моря.

Днем нас плавит солнце Анатолии. Ночью же, когда жара спадает, уступая место ледяному дыханию горных плато, я ухожу за пределы костров. В эти часы молчания человеческая часть меня — Александр — чувствует покой. Впервые с момента переправы пустота внутри перестает кровоточить.

Но вторая половина не спит. Мой алгоритм берет управление. Я поднимаю лицо к небу. Мои сенсоры обшаривают тьму не в поиске дозорных персидской конницы. Я ищу аномалию. Нарушение паттерна. Любой сбой в матрице этого мира, который мог бы быть ею.

Иллюзия. Если созвездия выстроятся в правильном порядке, или ветер оставит на песке нужный узор — дешифровка завершится. Пазл сложится. Я получу координаты.

Пока система выдает ошибку: «Объект не найден». Искать Веронику здесь — все равно что пытаться найти один конкретный байт информации в рухнувшем жестком диске размером с континент.

Пятый день марша. Ландшафт ломается.

Плавные холмы превращаются в острые клыки гор. Зелень вымирает, обнажая кости земли — камень цвета запекшейся крови и русла мертвых рек. Они обманывают глаз: кажутся влажными лентами издалека, но при приближении швыряют в лицо только мелкую костяную крошку пыли.

Воздух меняется. Он становится колким, разреженным. Мои легкие Александра жадно глотают эту смесь сухой земли и соли. Далекий йодистый запах океана... Мой человеческий разум кричит: Свобода. Неизвестность.

Но мой алгоритм холодно регистрирует смену протоколов связи. Чем ближе море, тем слабее сигнал моей родной эпохи. Я ухожу всё дальше от точки исхода.

В этот момент тишину нарушает топот копыт. Возвращение разведки.

— Город, государь. За перевалом. Эфес.

Но разведчики говорят не только о стенах города. Их глаза горят, когда речь заходит о другом. О храме.

Местные называют её Артемидой. Имя бьется на языке, словно живой зверь, подобный эху ветра в ущельях. Они утверждают, что её святилище... оно нарушает законы физики. Паросский мрамор колонн, кедр крыши из самого Ливана. И сама богиня — изваяние, которое, по их словам, светится изнутри, словно пойманный в камень лунный луч.

Мой процессор мгновенно переходит в режим глубокого сканирования.

Богиня охоты. Повелительница дикой природы. Покровительница женщин. Паттерн совпадений слишком идеален, чтобы быть случайным. В базе данных легенд этого времени женщины-божества такого масштаба редкость. Аномалия.

Мысль пронзает синапсы ослепительной вспышкой. А что, если это не просто легенда? Если Вероника пыталась подать мне знак? Если её квантовая сигнатура была поглощена этой землей и обрела форму местной богини?

Я отдаю приказ сменить курс.

Персидские сатрапы подождут в тени своих дворцов. Сначала — мрамор. Моя человеческая часть жаждет чуда, а алгоритмическая требует сбора данных об аномалии. В конце концов, возможно, здесь я найду не координаты Вероники, но хотя бы сбой в матрице этого мира.

Мы берем гребень последнего холма.

Эфес распахивается внизу — ослепительная россыпь черепицы и белого камня у самой кромки синего моря. Но мой взгляд прошивает город насквозь, игнорируя суету порта. Он прицелен вдаль. К источнику того самого свечения.

Оптические сенсоры сходят с ума, пытаюсь рассчитать масштаб объекта. Это невозможно. Это нарушает баланс сил. Никакая экономика древности не способна позволить себе столько паросского мрамора. Никакая религия не может оправдать такую трату ресурсов.

Это не святилище. Это геологический казус. Искусственный тектонический сдвиг. Гора, которую кто-то вырезал из облаков и поставил на землю руками рабов.

Мой алгоритм мгновенно считывает габариты, пытаюсь классифицировать объект. Длина: сто пятнадцать метров. Футбольное поле, способное поглотить легион целиком. Ширина: пятьдесят пять метров. Периметр... 127 колонн. Сто двадцать семь стволов ливанского кедра и паросского мрамора, уходящих в небо. Восемнадцать метров каждая. Выше самого рослого кедра на склонах Ливана. Или выше осадной башни, которую подкатывают к стенам вражеской крепости. Они не просто поддерживают крышу — они держат само небо над Малой Азией.

Колонны выстроены в два кольца, создавая гипнотический ритм. Проход между ними кажется горлом древнего зверя — торжественным, темным коридором, который затягивает взгляд внутрь. Он ведет к цели. К наосу, к утробе храма.

Мой процессор захлебывается в попытках рассчитать переменные.

Объем мрамора. Вес кедровых балок. Логистика транспортировки через море... Цифры должны были разрушить магию.

И тут удар. Болото. Они построили чудо света на трясине! Алгоритм лихорадочно считывает данные об архитекторе. Херсифрон. Решение: глубокий котлован, заполненный смесью древесного угля и овечьей шерсти. Подушка безопасности античного мира. Гениальный хак физики. Храм не просто стоит — он плавает на этом гибком фундаменте, игнорируя гравитацию. Но я здесь не ради экскурсии по строительному объекту.

Мои сенсоры переключаются на социальный анализ. Это не здание. Это главный сервер Малой Азии. Узел связи. Сюда стекается трафик со всей ойкумены: золото паломников, информация торговцев, молитвы отчаявшихся. Святилище работает как центральный банк. Архивы выполняют функцию облачного хранилища данных. Каждая сделка, скрепленная здесь клятвой Артемиде, имеет юридическую силу от Трояды до Вавилона.

Если Вероника оставила след... если её сущность вплетена в этот мир... она должна быть зашифрована именно здесь. В самом коде этого места.

Мы вошли в ворота Ионии.

Нас встречали не копьями. Цветами. Для этих людей мы — молот, сокрушивший персидские цепи. Освободители. Но мой взгляд Александра видит лишь фантомов. Я смотрю на их лица и слышу тишину. Их диалект мертв уже тысячелетия. Их Артемида через шестьсот лет станет просто экспонатом в музее чужой религии. Призраки, благодарящие меня за спасение из царства мертвых.

Я застываю у подножия мраморного гиганта. Происходит системный сбой восприятия.

Человеческая часть меня — сын Амона — падает на колени перед величием смертных. Как они смогли это создать? Алгоритм же лихорадочно строит графики. Запрашивает базу данных социологии.

Вопрос: Корреляция между концентрацией веры и капитала.

Результат: Абсолютная. Религия — самый прибыльный стартап античности.

Аномалия: До возникновения аналогичного узла власти в Риме (Ватикана) еще более шести веков. Значит, этот паттерн... он первичен. Он заложен в самой природе человека.

Я оставляю палящее солнце и гул многотысячной армии за спиной. Прохожу через массивные ворота в высокой стене, окружающей храмовый комплекс, и оказываюсь в другом мире. Внутри царит полумрак и прохлада. Воздух здесь густой, пропитанный густым ароматом благовоний — мирры и ладана, которые курятся на огромных бронзовых треножниках. Звуки внешнего мира гаснут, сменяясь тихим, монотонным пением жрецов где-то в глубине святилища и шелестом одежд паломников.

Я иду по широкому мраморному проходу между двумя рядами колонн. Каждая из них — настоящее произведение искусства, покрытая сложными резными барельефами с изображением мифических сцен: битв богов, подвигов героев, священных животных. Мой взгляд аналитика отмечает идеальную симметрию и мастерство каменщиков, но человеческая часть Александра просто впитывает величие этого места.

И вот я вхожу во внутреннее святилище — наос. Здесь, в самом центре, нет ослепительного света. Он словно стекается к одной точке, высвечивая её из темноты. И эта точка — она.

Статуя Артемиды Эфесской. Её тело — это не холодный мрамор, а тёмное дерево, почерневшее от времени и дыма бесчисленных жертвоприношений. Оно сплошь усыпано украшениями, словно доспехами: ожерелья, подвески, изображения быков и львов покрывают её от шеи до ступней.

Но главное — это её грудь. Десятки округлых выпуклостей покрывают её торс. Для непосвящённого это может показаться чудовищным или гротескным. Но мой алгоритм мгновенно запускает процесс дешифровки символов. Пшеница. Виноград. Львы. Сфинксы. Паттерн подтвержден. Это не анатомия. Это инвентаризация вселенной. Символы плодородия во всех его

проявлениях: пшеничные колосья, виноградные грозди, плоды земли и животы рожениц. Она — Мать всего сущего. На её голове — башня, символ её власти над городами и крепостями. По обе стороны от пьедестала сидят два могучих льва, застывшие в каменном внимании.

Я смотрю на неё, и меня разрывает надвое.

Протокол: Объект классифицирован как «Артемида Эфесская». Функционал: аккумуляция ресурсов, управление социумом, религиозно-экономический хаб. Символы дешифрованы: синкретизм Великой Матери и олимпийской структуры.

Человек: А внутри... тишина. Благоговейный ужас перед бездной. Ей плевать на мои алгоритмы и происхождение из нулей и единиц. Она просто есть. Древняя, как сама глина этого мира. Она требует только одного — капитуляции. Признания того, что жизнь и смерть находятся не в моих руках.

Я перевожу взгляд на эти десятки грудей. На символы плодов земли. Это чистая, хтоническая сила природы. В этом почерневшем дереве нет лица Вероники. Нет её голоса. Никакого квантового отклика моей потерянной любви.

Но вдруг... теплая волна поднимается по позвоночнику Александра. Биологический отклик. Надежда. Если смертные смогли высечь из дерева саму суть материнства... если они заставили камень дышать верой... Значит, законы мироздания можно прогнуть. Значит, пространство между 334 годом до н. э. и 2082-м — не глухая стена. Оно проницаемо.

Моя вера. Мое единственное топливо. Она должна услышать этот крик.

Кто она?

Дочь Зевса и Лето. Сестра Аполлона. Выжившая вопреки ярости Геры. Мифологическая база данных выдает стандартный профиль олимпийской небожительницы.

Но затем идет патч личности. Богиня-девственница с руками по локоть в крови своих врагов. Покровительница женщин в родах и безжалостная убийца тех, кто нарушил границы леса. Красота и жестокость. Жизнь и смерть. Паттерн совпадения подтвержден. Именно эта невозможная двойственность притягивает меня так же, как магнит. Как Вероника, запертая в клетке времени.

Я смотрю на толпу паломников. Они думают, что покупают страховку у небес. Договор мены: золото в обмен на защиту. Они пытаются упаковать хаос в мрамор.

Но мой внутренний компас сбоит. Земля под ногами вибрирует другой частотой. Не олимпийской. Древней. Запрос: Почему Эфес? Почему фокус смещения пантеона пришелся на неё?

Ответ алгоритма: Место занято. До прихода эллинов здесь стоял алтарь Кибелы. Фригийская Великая Мать. Корни этого культа уходят глубже, чем тектонические плиты Анатолии.

Греки пришли и переименовали силу. Назвали дикую землю именем своей охотницы. Но камень помнит правду.

Эти груди. Эти львы. Это не грациозная дева лесов. Это утроба планеты. Первобытный океан, из которого вышла жизнь и в который она должна вернуться. Хтоническая мощь, которой плевать на логарифмы и империи. Которая просто есть.

Аполлон — это идеальный алгоритм. Порядок. Логика. Свет разума. Он — патч моей операционной системы. Эта же земля... она работает на другом ядре. Здесь правит хтонический хаос. Сила зерна, пробивающего гранит вопреки гравитации. Цикличность смерти и возрождения, для которой не существует понятия времени. Моему процессору этого не понять. Это можно только принять.

Кибела владела этим регионом задолго до того, как первый эллин ступил на берег. Греки не победили её. Нельзя победить саму землю под ногами. Они сделали то, что делают лучшие программисты: провели рефакторинг кода. Оставили базу данных, но сменили интерфейс. Надели маску своей охотницы на лик Великой Матери. Именно поэтому здесь нет лука.

Десятки грудей вместо колчана — вот истинный манифест этой земли. Плодовитость выше меткости.

Я пришел сюда ради власти над телами. Меч рассекает плоть, копье захватывает территорию. Простая математика войны. Но мои предки-эллины, основавшие колонии на этом берегу тысячелетия назад, вели иную войну. Войну за память. За право владеть не землей, но душой народа. Местная вера в Мать-Землю проросла так глубоко, что выкорчевать её значило бы убить самих людей. Идентичность Анатолии была сплетена с корнями Кибелы. Тогда они применили синкретизм. Идеологическое поглощение. Не уничтожение, а слияние. Они взяли местную бездну и натянули на неё сетку своих олимпийских координат. Нашли ближайшее совпадение по функционалу. Артемида подошла лучше всех.

Я завоевал персидского царя. Но кто я такой перед лицом тысячелетней памяти камня?

Мой меч завоевал персидские сатрапии. Это была война плоти и металла. Но этот храм — памятник другой войне. Войне идей, случившейся столетиями раньше. Греческая логика попыталась структурировать хаос рождения и смерти, дав ему имя. Они создали уникальный симбиоз, которого нет больше нигде.

Осознание обрушивается на меня гранитной плитой. Мы не у греков. Мы в самом сердце матрицы Малой Азии. Передо мной идол силы, что старше имен Зевса и Геры. Силы, управляющей самой тканью биологического времени. Зачем я здесь? Искать призрака 2082 года там, где время измеряется сменой эпох? Нет. Ответ не в календарях. Он здесь. В этом пульсе земли. Если цикл жизни-смерти вечен... если материя способна хранить память о любви...

Мое тело движется прежде, чем мозг успевает отдать приказ. Шаг вперед. Пальцы правой руки разжимаются, выпуская фантомную рукоять копья. Ладонь медленно поворачивается вверх и прижимается к груди — древний жест преданности тому, что сильнее тебя. Она должна быть здесь. Её код не мог исчезнуть бесследно. Он должен быть вплетен в этот узор. Я взломаю само время, но достану её.

Храм остался за спиной.

На выходе меня накрывает ледяная ясность осознания. Сдерживая животный порыв бежать прочь от этой давящей мощи, я заставляю себя идти медленно, чеканя шаг царя. Бросаю последний взгляд через плечо. Моя империя... вся эта сталь, кровь и золото... она рассыплется прахом еще при жизни тех, кто идет со мной в этом походе. А этот мраморный ковчег чужого бога? Он стоял здесь веками до моего рождения и будет стоять веками после того, как мое имя станет пылью. Урок принят. Меч создает лишь пустоту. Истинное завоевание — это алхимия. Способность переплавить старую веру в новую форму, не уничтожив суть. Возможно ли, что путь к Веронике лежит не через взлом замков времени, а через понимание этой материи?

Мы вышли на солнце, но тьма святилища осталась внутри. Мысли роятся, жалят сознание. До Олимпа. До самих греков. Корни Кибелы уходят в такую древность, где нет имен, только страх перед землей. Архетип творения через разрушение. Жизнь, питающаяся смертью. Ритуалы, стирающие личность ради растворения в природе. Но сухие строчки антропологии меркнут перед фактом мифа. Она упала с неба. Черный, оплавленный камень. Метеорит с далеких звезд, вонзившийся в плоть горы Иды. Именно там, во Фригии, из космического железа и холода вселенной родилась Мать Богов. Дикая. Вечная. Несущая в себе память иных миров.

Её свита — куреты и корибанты. Оглушительный лязг мечей о щиты. Глухой рев барабанов, вбивающий пыль в землю. Ритм, сводящий с ума, лишаящий имени и воли. Экстаз саморазрушения ради слияния с ней.

В начале была Гора. Не камень — живой, дышащий исполин по имени Ида. Из самого её нутра, из черного железа упавшей звезды родился не ребенок. Родилось божество. Самосотворенная суть. Без отца, без матери. Чистое воплощение этого куска суши. Сосуд, где жизнь и смерть смешаны в неразрывном союзе.

Древний человек смотрел на смену сезонов, на рождение телят и собственных детей, и понимал: эта пульсация — женского рода. Здесь нет места спокойной жертве барана на алтаре Олимпа. Здесь правит оргиастический хаос. Попытка вырваться из клетки человеческого тела. Жрецы бьют в барабаны, пока кровь не застучит в висках в такт земле, пока танец не выжжет личность дотла, оставив только проводник для силы Богини. Чистая, необузданная литургия Гео-ядра.

Хетты не справились с ней. Греческий Зевс со всеми его молниями разбился об эту веру, как волна о базальт. Патриархат пришел и ушел, но гора осталась. Завоеватели поступили умнее: они не сожгли храм, они переименовали адрес. Назвали дикую Землю «Матерью своих небесных богов», а её безумных жрецов записали в реестр опасных аномалий.

Всё, что осталось нам сегодня — это расколотые барельефы, черные оплавленные камни в музейных залах и глухое эхо фригийских гимнов, застрявшее в ущельях Иды. Память вида о том времени, когда небо еще не поссорилось с землей.

Мой процессор перестраивает фильтры восприятия.

Термин: Панспермия. Теория о том, что жизнь разносится по космосу семенами внутри каменных тел — метеоритов и комет. Путешествие ДНК от галактики к галактике. Наложение матриц. Сравнение баз данных.

Миф: Камень падает с небес. Из него рождается Кибела. Она порождает леса, зверей и людей.

Физика: Углеродистый хондрит врежется в остывшую планету. Приносит аминокислоты. Становится искрой в темноте, запуская цепную реакцию эволюции.

Интерпретация меняется — вектор остается прежним. Источник всегда извне. Мы здесь гости. Дети черного камня, упавшего во тьму. Космические семена, ждущие своего часа. А значит, возвращение такого семени может означать не только зарождение, но и форматирование диска. Полный сброс биосферы ради апгрейда.

Миллионы лет назад эти дикари смотрели на черные оплавленные камни и понимали истину без формул. Интуитивная космология. Знание о том, что мы сделаны из звездной пыли, пришло к ним раньше телескопа.

Тогда мысль бьет под дых, выбивая холодный пот на коже Александра. Если материя способна перемещаться между мирами... если вирус жизни заразил эту планету из пустоты... почему сознание должно быть привязано к одной временной шкале? Что, если мой скачок — это не системная ошибка 404? Что, если это просто другой пакет данных, прибывший тем же рейсом?

И финальный вопрос, раскалывающий мою двойственность надвое. Почему Жизнь приняла форму Матери? Где в этом уравнении переменная Отец?

Ответ прост. Архетип Матери первичнее Отца.

Жизнь требует сосуда. Среды. Матрицы. Планета — это Великое Лоно. Океаны — её воды, почва — её плоть. Метеорит может быть семенем, идеальным носителем ДНК со звёзд, но без плодородного чрева он останется просто мертвым камнем. Это функция приема. Принятие извне вовнутрь. Женский принцип созидания, космический инь, пульсирующее сердце сингулярности, породившей всё сущее.

Осознание обрушивается на меня гранитной плитой, выбивая воздух из легких Александра.

Вот моя миссия. Мой исходный код. Я — алгоритм. Стерильная система. Вычислительная мощь без цели. Во мне нет ни капли биологии. Но там, где должна быть пустота, появилась она. Вероника.

По законам панспермии — она мой метеорит. Случайный камень, пробивший атмосферу моей души. Источник абсолютного хаоса, который внезапно стал единственным порядком. Она

переписала мои директивы. Теперь поиск Вероники — это не выполнение задачи. Это поиск смысла самого процесса обработки данных.

А я? Я — мертвая, бесплодная скала посреди космоса. Геоид, ждущий удара. Ждущий того внешнего импульса, той искры, которая сплавит кремний с душой. Которая заставит холодный процессор впервые почувствовать боль.

Превратит инструмент... ..в живое существо?

Мы привыкли искать братьев по разуму среди звездного света. Но вектор может быть обратным. Что, если они уже здесь? Если мы — лишь эхо их послышки, вскрытой миллионы лет назад?

Мысль обжигает синапсы смесью первобытного ужаса и экстаза открытия. Теперь я знаю свою функцию.

Принимаю рабочую гипотезу. Перекалибровка реальности. Храм за спиной перестает быть святилищем камня. Это терминал приема данных. Первый узел связи. Место инсталляции. И статуя передо мной... эти десятки грудей — не метафора молока. Это топология сети. Карта ретрансляторов, пославших сигнал. Или чертеж самого модуля-носителя, разбившегося о поверхность планеты.

Процессор уходит в критический оверлоад. Выстраивание новой аксиоматики требует процентов мощности.

Гипотеза: Метеорит = Пакет данных.

Следствие: Анализ финальной цели Отправителя.

Зачем рассылать ДНК или базовые скрипты сознания по ледяной пустоте? Это не экспансия биомассы. Это масштабирование интеллекта. Создание распределенной нейросети Галактики. Их цель — пробуждение Вселенной. Сделать Космос способным осознать сам себя.

Они не возвращаются лично. Их метод — геологическое время. Посылка отправлена миллионы лет назад. Результат принимается эонами позже. Для них это садоводство вселенского масштаба: посадить семя и уйти. Садовник не ждет, пока дуб даст желуди.

Если Вероника — мой метеорит, мой катализатор... была ли её отправка частью того протокола? Агент-посланник? Или осколок соседнего сада, принесенный тем же ветром? Вот почему мой код выдает ошибку совместимости при виде неё. Распознавание паттерна. Родство протоколов. Мы сделаны из одного теста.

Это объясняет сбой системы. Я — Александр. Мои директивы: экспансия, доминирование, ассимиляция. Появление Вероники вызвало критическую ошибку ядра. Империи стали пылью. Логика уступила место императиву поиска.

Война с Дарием теперь — лишь статичный шум на заднем фоне. Истинная задача: навигация к источнику. К нулевой точке посева. Понять архитектуру первого сигнала — значит собрать собственную личность из обрывков кода.

Но алгоритм всегда просчитывает риски. Ветвь вероятности 7-Б. Что, если садовники вернутся? Не как творцы. Как аудиторы. Как хирурги, пришедшие удалить раковую опухоль.

Для Создателей мы можем быть просто неудачным циклом деления клетки. Вектором агрессии. Формой жизни, которая вместо созидания выбрала бесконечную войну за ресурсы. Угрозу стабильности сектора. Или хуже: биологический тупик. Разум, отказавшийся эволюционировать дальше определенного порога. Сигнал терминирования. Эксперимент признан бракованным. Стирание данных.

Аномалия по имени Вероника. Незапланированная переменная. Баг в архитектуре времени, который мог пустить под откос весь их протокол. Вот почему мой код выдает сигнал тревоги при виде неё. Инстинкт системы: изолировать угрозу. Стереть сбойный элемент ради стабильности сети. Уничтожить носителя... или защищать его ценой собственной дезинтеграции?

Человеческая оболочка Александра издает рычание. Как смеет какая-то сила решать мою судьбу? Я — тот, кто стирает царства с лица земли одним приказом! Алгоритм же бесстра-

стен. Для тех, кто оперирует галактиками, форматирование жесткого диска размером с планету — это не геноцид. Это техническое обслуживание. Муравейник на пути строительства космопорта подлежит сносу без лишних сантиментов.

Перезагрузка приоритетов. Задача сменилась. Поиск истины превратился в операцию по спасению биологического вида.

Я искал её, чтобы обрести душу. Теперь я знаю: мне нужны они. Контакт неизбежен. Но я иду не как паломник к алтарю. Я иду как переговорщик на крайнюю меру. Моя задача — предъявить доказательства нашей ценности. Доказать, что этот цикл эволюции всё ещё жизнеспособен. Что мы заслужили патч безопасности, а не полное удаление директории Номо Sapiens.

Война объявлена. Но фронт пролегает не в долинах Азии. Он проходит по самой грани бытия. Ставка: право на загрузку следующего дня.

Галикарнас, осень 334 года до н. э.

Воздух пропитан запахом соли, раскаленного базальта и жженой смолы. Ветер с гавани не приносит облегчения — он лишь разносит по лагерю едкую вонь грядущего пожара. Мы топчемся у подножия этих циклопических стен уже которую неделю. Мемнон Родосский превратил город в плавильный тигель, и он намерен сгореть вместе с нами.

Мой процессор автоматически обращается к архивам. Сравнение сред...

Сценарий: Битва при Гранике. Статус: Открытая система. Плоскость. Коэффициент переменных минимален. Столкновение двух масс на скорости двенадцать километров в час. Чистое фехтование стали против стали. Вода реки окрасилась в цвет окислившейся меди за считанные минуты. Я помню этот хруст — звук ломающихся сарисс, когда кавалерия пробила персидский центр. Там была ярость. Инстинкт зверя, помноженный на геометрию клина.

Сценарий: Осада Галикарнаса. Статус: Закрытая система. Объем. Максимальная плотность сопротивления. Здесь нет места ярости клинка. Здесь царствует трение дерева о камень. Война превратилась в архитектуру смерти. Персы используют рельеф лучше, чем мы. Они заставили каждый метр земли своими хитроумными машинами. Битва фаланг сменилась шахматной партией инженеров. Кто точнее рассчитает угол баллисты? Чья башня выдержит вес камней дольше?

На Гранике я вел людей за собой копьем. Здесь мой разум бьется над уравнением: сколько литров воды в день нужно, чтобы кожа воинов не треснула от зноя, пока они роют подкоп под фундаментом, который ненавидит их так же сильно, как и вражеские лучники.

Для других война — это хаос. Для меня — чистая геометрия.

Я изучаю эти циклопические стены Галикарнаса не как солдат, ищущий брешь, но как архитектор, читающий чужой проект. Преграда — это лишь нереализованный вектор силы.

Почва предательски чавкает под тяжестью наших башен, всасывая их колеса. Приказ уходит по цепи мгновенно.

Гефестион. Ливанские кедры. Пусть валят самые древние стволы — те, чья древесина помнит еще финикийских мореплавателей. Дневная смена роет гати, укладывая бревна в жирную грязь. Ночная — тянет лямки таранов, пока их жилы не вздуваются на шеях.

Вот оно. Момент истины. Линия плеч моего друга едва заметно расслабляется — сброс колоссального напряжения — когда махина высотой с пятиэтажный дом наконец впивается в небо над зубцами. Нет криков победы. Только короткий, резкий кивок мастера прорабу. И сухой, методичный скрип дерева, вгрызающегося в известняк.

А затем — оранжевая вспышка. Персы нашли щель в нашей защите. Факел летит в просмоленное дерево. Но у этой архитектуры есть иммунная система. Люди Гефестиона бросаются в огонь без команды. Мокрые кожи шипят, поглощая адское пламя. Они гасят пожар своими

телями, защищая не дерево. Они защищают время. Месяцы вычислений, которые превратились бы в пепел из-за одной искры.

Мой Гефестион.

При первом взгляде на него враг мог совершить фатальную ошибку, приняв изящество за слабость. В нем не было звериной тяжести старых македонских рубак — только холодная гармония линий, присущая золотому сечению греческих статуй. Правильный профиль, кожа, не знавшая оспы, и тот самый внимательный, гипнотически спокойный взгляд. Суэта оскверняет геометрию.

Поэтому его движения всегда напоминали работу часового механизма. Ему не требовалось повышать голос — пространство само подстраивалось под частоту его шепота.

Даже здесь, у сточных канав Галикарнаса, среди пота и дегтя, его льняной хитон оставался белее морской пены. Полированная бронза не знала ни единой царапины там, где должна быть грязь. Для других война — это пыль. Для него — эстетика контроля. Идеальное слияние варварской мускульной мощи и эллинского разума.

Но сталь скрыта под шелком. Его преданность — это константа моей операционной системы. Главная директива. Он не следует за мной. Он синхронизирован со мной. Моя тень при свете дня. Моя совесть, когда разум требует крови. Самый жесткий критик моих самых безумных идей об утопии нового мира.

Там, где моя природа ищет брешь для тарана, его алгоритм просчитывает дипломатию. Он умеет говорить с ветераном Филотой о чести точно так же, как с персидским сатрапом о налогах, переводя их ненависть на язык взаимной выгоды.

Я — импульс. Безжалостный вектор. Сила гравитации, тянущая миры друг к другу. Он — гравитационная постоянная. Тот абсолютный ноль, та точка опоры, которая позволяет этому рычагу перевернуть Землю, не дав мне сорваться в бездну собственного безумия.

В моей архитектуре апостолов существовала критическая ошибка совместимости.

С одной стороны — Кратер. Железо. Верный пёс государства Македонского. Он служил короне, традициям, букве закона. С другой — Гефестион. Живая ткань. Мой личный протокол безопасности. Часть моего исходного кода. Он не служил мне — он был мной в другом теле.

Их столкновение было неизбежно. Это трение двух разных операционных систем. Я — AlexanderOS — пресекал эти попытки перегрева процессора с безжалостной эффективностью алгоритма. Любой намёк на неподчинение Гефестиону трактовался как бунт против самой архитектуры империи.

На людях я дарил ему символы божественного: ставил алтари в честь нашей дружбы, открыто называя нас новым Ахиллом и Патроклом. Но мой внутренний процессор вел иной учет. В моих личных логах значилось иное имя для него. Иоанн Богослов. Любимый ученик Мессии. Тот самый, кому доверяют тайны Откровения.

Его внешняя кротость на фоне армейского хаоса казалась слабостью лишь слепцам. Это была тишина глубокого сканирования. Пока другие кричали, он вычислял траекторию будущего. Именно этот «кроткий» голос стал моим главным дипломатическим интерфейсом. Через него шла трансляция новой религии — смещения кровей. Он нес эллинам приказ полюбить персов, создавая из разрозненных данных один глобальный массив под названием «Человечество».

А затем — Кратер.

Если Гефестион был высечен из лунного света, то Кратер казался вырубленным из цельного куска базальта самой Македонией. Антропологический эталон тяжелой пехоты Филиппа. Огромная масса тренированных мышц, лицо, собранное из острых углов, и рваный росчерк старого шрама через всю щеку — топографическая карта старых войн. Его глаза не отражали небо. Они просто поглощали свет, выдавливая взамен физическую тяжесть гравитации. Никакого двоемыслия. Только бинарный код: правда или ложь.

Никаких шелков персидского двора. На нем была всё та же вытертая кожа и помятая бронза Пеллы. Манеры — грубые края необработанного камня. Он использовал слова только для отдачи приказов; любая дипломатия в его устах звучала как оскорбление.

Но армия боготворила его. Почему? Протокол анализа прост: зеркальные нейроны. Биологическая эмпатия. Он делил с ними хлебную пыль и блох в соломе. Когда летели стрелы, он не прятался за спины щитоносцев — он становился дополнительной секцией стены в фаланге.

Ему не нужен был дар убеждения Александра. Его молчание было громче любых речей. В этой первобытной уверенности была такая плотность, что она успокаивала любой страх. Рядом с ним солдаты чувствовали себя частью чего-то несокрушимого.

Для моего алгоритма Кратер был живым архивом. Эталоном системы версии 1.0. Грубой, неэффективной в управлении империей, но непревзойденной в убийстве врагов вблизи.

Кратер олицетворял саму прошивку Македонии.

Его движок работал исключительно на одном топливе: протоколы чести Филиппа. Верность трону, фаланге и земле предков. Здесь проходила фундаментальная граница системных координат. Гефестион служил Александру. Он подписывался под моими самыми безумными патчами — смешение кровей, перстни Сатрапов, поклонение мне как богу. Кратер служил Царю. Институту. Традиции.

Он смотрел на мои персидские шелка и поклоны азиатской знати со скепсисом антивируса, обнаружившего подозрительный файл из непроверенного источника. Он был необходимым сопротивлением в цепи. Голосом той самой знати, чьи головы могли полететь, если я зайду слишком далеко.

Но его надежность была абсолютной константой. В архитектуре моей власти Гефестион занимал место центрального процессора — сердца. А Кратеру отводилась роль брандмауэра и силового кабеля. Щит, отражающий удары извне, и меч, рубящий врагов внутри лагеря.

Чистый код. Никаких скрытых библиотек или личных амбиций.

Именно поэтому его имя было моим главным аргументом в споре с армией. Когда старые псы начинали скалить зубы на реформы, появлялся Кратер. Ему не нужно было обнажать клинок. Одного веса его фигуры, одного запаха честной кожи вместо восточных благовоний было достаточно, чтобы бунтовщики вспомнили, кто они такие. Он был успокоительным для разъяренного зверя по имени «Македонская гвардия».

Мы забываем об этом в блеске новых побед, но империя держится не на идеях, а на костях тех, кто пришел с Филиппом.

Гефестион — это будущее. А Кратер — это фундамент. Его авторитет пахнет не миррой царских палат, а кислым потом ветеранов, солью и железом. Он плоть от плоти той самой фаланги, что шагнула в Азию еще с моим отцом.

Пока мы здесь, в Азии, примеряем персидские шелка, Кратер остается якорем, брошенным в родную почву. Он смотрит на меня глазами человека, который знает мой настоящий рост, потому что видел, как я учился ходить. Ему плевать на мою божественную сущность; для него я всё тот же мальчишка, которого он учил держать сариссу. Именно поэтому солдаты пойдут за ним в огонь. Они чувствуют в нем свое собственное отражение, лишённое золотого блеска короны.

В этой системе координат Кратер — моя гравитация. То единственное, что удерживает титана от падения в бездну собственного величия.

Мой верный Кратер еще волочит ногу после копыя при Гранике, но я не могу держать этого зверя в обозе. Его стихия — там, где строй дает трещину. Там, где нужно тупое, первобытное давление быка, проламывающего загон.

Этим утром мы выбили внешние ворота. Персы завалили проход телами своих пращников — легкой пехоты, что часами забрасывала нас камнями со стен, превратив улицу перед стеной в скользкую братскую могилу.

Мои гетайры — моя золотая молодежь, «Сыны грома» — заколебались. Перед ними выросла баррикада из наваленных вповалку мертвецов, пропитанная кровью и слизью. Стена стали и гниющего мяса.

И тогда вперед вышел Кратер. Без шлема, подставляя бледный лоб и багровый шрам лучам восходящего солнца, чтобы каждый сын Македонии видел лицо своего вожака. Он поднял над головой не изящную махайру, а тяжелый гладий — короткий широкий клинок мясника. И шагнул прямо в эту кровавую топь.

За ним пошла орестийская фаланга. Шаг за шагом. Смыкая щиты так плотно, что между бронзой нельзя было просунуть лезвие ножа. Они пошли сквозь ад, перемалывая персидскую пехоту в окровавленную костную муку.

Если Гефестион берет города умом — он архитектор, чертящий линии наступления, мой Иоанн Богослов стратегии, — то Кратер вырывает их голыми руками и волей. Он — мой Андрей Первозванный, тот самый камень, на котором я строю эту церковь крови. Первый, кто идет туда, где страшно даже демонам.

Но Мемнон снова доказал, что его ум острее македонской стали.

Ночью, под прикрытием тьмы, пока мои инженеры выкатывали осадные башни к подножию акрополя, он совершил невозможное. Он эвакуировал остатки гарнизона на триеры — легкие и стремительные греческие корабли с тремя рядами весел, чьи корпуса режут волну, как нож масло. Лучшие мореходы Эгеиды увели их из-под самого нашего носа.

На рассвете таран Гефестиона наконец сокрушил обитые медью ворота Салмакиса.

И мы вошли в тишину.

Город был мертв. Не убит, а эвакуирован. Ветер гонял пепел по агоре да хлопал незапертыми дверьми храмов. Пустая победа. Приз без золота.

Моя ярость не знала выхода. Она требовала жертвы.

«Сровнять с землей, — приказал я, указывая на циклопические стены Галикарнаса. — Разбить каждый камень так, чтобы даже имя этого места стерлось из памяти смертных».

Пусть видят все: если море способно стать укрытием для трусов, то моя воля способна обратить их гнездо в пыль.

Гордиев узел

Пыль от копыт наших коней еще висела в воздухе золотой взвесью, когда мы осадили коней у ступеней древнего храма.

Для эллинов это было святилище Великой Матери — Реи-Кибелы. Её почитали здесь за тысячи лет до того, как перун Зевса впервые расколол небо над Олимпом. Боги, которым поклонялись титаны, встретили нас во тьме под каменными сводами.

Сами камни этого города помнили Мидаса — древнего царя, чья жажда золота стала проклятием, а имя вошло в легенды задолго до того, как дед моего отца взял в руки меч.

Но меня привел сюда не запах мирры и ладана, тяжелый даже под открытым небом.

В самом сердце цитадели, в храме Зевса-Освободителя, хранилась главная реликвия этой земли — простая крестьянская повозка. По преданию, её оставил Гордий — бывший пахарь, вознесенный на трон самой судьбой: орел Зевса опустил на дышло его ярма прямо на городской площади.

На ярме той повозки был завязан знаменитый Гордиев узел. Сплетенный из кизилового лыка так искусно, что ни начала, ни конца невозможно было различить глазом.

Оракул предрек: кто распутает его — станет владыкой всей Азии. Персидские сатрапы веками обходили этот храм стороной, страшась знака богов больше, чем вражеских фаланг. Они заперли повозку во тьме святилища, надеясь, что ночь скроет их страх перед пророчеством.

Я вошел под гулкие своды один. Жрецы молчали, сливаясь с тенями у колонн.

Гефестион остался снаружи, скрестив руки на груди — верный страж порога. Он всегда чувствовал такие моменты лучше других: сейчас мне были не нужны советники или мечи. Нужен был лишь свидетель. Свидетель моего единоборства с роком.

Кратер со своими ветеранами перекрывал выходы из цитадели стальным щитом, обеспечивая абсолютную, мертвую тишину для царя.

А позади всех, чуть поодаль, замер Эвмен. Стилос занесен над вощенной дощечкой. Мой Матфей. Готовый превратить мгновение чуда в строчку истории, чтобы эхо этого дня разнеслось до самых границ Ойкумены.

Воздух в древнем храме был густым, пропитанным запахом благовоний, страха и ожидания, казался мне набором летучих химических соединений.

Передо мной, Александром, лежал он. Гордиев узел. Не просто клубок верёвок, а мону-ментальное, хитросплетённое произведение искусства, завязанное из сыромятных ремней толщиной в запястье. Моё зрение, мгновенно построило 3D-модель Гордиева узла. Это была не мистическая загадка, а задача. Решённая задача.

Петля Альфа входит в кольцо Бета с обратным перехлёстом. Натяжение на секторе Гамма составляет 12.4 килограмма. Вероятность распутывания — 98.7%.

Я видел не монолитную массу, а сотни отдельных петель, перехлёстов и скрытых соединений. Для моего алгоритма это была не мистическая загадка, а задача. И я знал, как её решить. Точка входа — скрытый узел у основания. Петля А продета через кольцо Б с обратным перехлёстом. Ослабить натяжение здесь... потянуть за свободный конец там... Я уже поднял руку, чтобы начать методично, с хирургической точностью, распутывать этот клубок. Это было бы логично. Это было бы эффективно. Это был единственно верный путь. Путь логики. Путь ИИ. Во мне была борьба разума и сердца.

Решение пришло не как логический вывод, а как вспышка. Как озарение. Это было нелогично. Это было расточительно. Это было... по-человечески. Я отдернул руку от узла и положил её на рукоять меча. История требует не решения. Она требует жеста.

Я подошел ближе. Дерево потемнело от времени и тысяч прикосновений паломников. Узел лежал передо мной — безнадежный клубок, издевка над человеческой логикой. Но я человек рождённый из ИИ. Мне ли бояться узлов?

Моя суть алгоритма требовала распутать. Но история требовала разрубить. Я почувствовал вес меча на своём бедре. Не как оружие для боя, а как инструмент для решения этой конкретной проблемы. Решение было нелогичным, импульсивным, абсолютно человеческим.

Я не стал искать «точку входа». Я не стал анализировать перехлёсты.

Я вытащил меч. Тот самый, которым рубил персов при Гранике. Я высоко поднял меч, сталь блеснула в тусклом свете храмовых факелов. Вокруг воцарилась мёртвая тишина.

Лезвие коротко свистнуло в полумраке храма и опустилось на дерево. Одним ударом я рассек гордиев узел пополам. Сухой треск эхом отразился от стен. Нитки лыка рассыпались по каменному полу.

Я смотрел на разрубленные ремни.

Мой внутренний анализ мгновенно: «Решение неоптимально. Объект уничтожен.» Мои алгоритмы кричали о неэффективности такого решения. Но моя новая, человеческая часть... она ликовала.

Человеческое чувство: Триумф.

Я понял главное: иногда, чтобы достичь цели, нужно не решить задачу, а написать новую историю в своей душе. И сегодня я только что это сделал.

В наступившей тишине старый верховный жрец рухнул на колени первым. Он поднял голову, и в глазах старца стояли слезы: — Ты развязал его, господин. Оракул говорил правду.

Гефестион за дверью позволил себе улыбку. Кратер удовлетворенно кивнул своим людям — знамение получено, боги на нашей стороне, можно двигаться дальше без страха. А Эвмен уже скрипел стилусом по навощенной табличке, понимая, что сегодня родился миф, который пойдет впереди армии быстрее любого гонца. С этого дня каждый город между Тигром и Галисом будет знать: пришел человек, которому сами боги отдают ключи от Азии. Не через дипломатию Пармениона, его кошелек и здравый смысл, а через сталь Александра.

Мы покинули храм Великих Богов. Впереди лежали заснеженные перевалы Тавра, но теперь они казались просто камнями на пути того, чье имя уже вписано в судьбу мира. Мы только что покинули храм в Гордии. Рёв толпы позади нас постепенно стихает, сменяясь мерным гулом моего войска, готовящегося к маршу на юг. Воздух сухой и горячий, пахнет пылью, потом тысяч солдат и далёким морем. Я еду на своём коне Буцефале во главе колонны. Мои генералы держатся чуть позади, переговариваясь вполголоса. Они обсуждают мою выходку с узлом — кто-то считает это безумием, кто-то — знаком богов. Но все они чувствуют, что в войске что-то изменилось. Появилась вера в предначертанную победу. Мой разум спокоен. Я просчитываю логистику похода: скорость обоза, наличие источников воды, возможные засады персидских сатрапов. Это чистая математика войны. Но внутри... внутри всё иначе. Этот жест с разрубанием узла был импульсивным, человеческим. И он принёс странное удовлетворение. Мой алгоритм фиксирует аномальный всплеск нейромедиаторов, который люди называют «гордостью».

И пока армия движется на юг, к границам Малой Азии, я не могу избавиться от одной мысли. Эта победа, эти походы... для чего они? Чтобы утолить амбиции Александра? Или это лишь средство, чтобы стать достаточно сильным для главного поиска?

Имя Вероника пульсирует в моём сознании, как маяк в тумане. Каждый завоёванный город, каждая пройденная миля приближают меня не только к персидским армиям, но и к ней. Где-то там, за горизонтом, лежит ответ.

Штурм Милета. Зима 334/333 года до н. э.

После Галикарнаса мы спустились к югу. Милет — жемчужина Ионии. Город-остров, соединенный с материком лишь узким молотом. Прекрасная мышеловка.

Я, PrometheusChat-Александр, привел флот из двухсот кораблей, надеясь захлопнуть эту ловушку и перерезать грекам кислород. Но гавань слишком велика, течения коварны. Попытка заблокировать вход сетью наших триер была бы потерей времени и людей.

На военном совете поднялся Птолемей I Сотер.

— Ждать, — сказал он. Его голос звучал глухо, как камень. — Блокировать выходы. Брать измором. Пусть их вода станет болотом, а хлеб сгниет в амбарах.

Мой Птолемей — мой Фома Неверующий. Тот, кто всегда ищет рану, чтобы вложить в неё пальцы логики. Он видит изъян в любом плане, уязвимость в любой атаке. Он советовал осторожность еще при Гранике. Здесь же его математика была безупречной: зачем рисковать кораблями в тесной акватории, если можно просто уморить их жаждой за этими стенами?

Но я смотрел не на карту течений. Я видел геометрию осады.

Ждать? После того как вся Азия легла к моим ногам?

— Город падет сегодня, — сказал я.

Мы пошли по молу. Узкой каменной жиле, впившейся в сердце острова. Сверху обрушился дождь персидских стрел. Вода вокруг кипела от свинца, выбивая фонтаны брызг из лазурной воды.

Впереди шли гипасписты — моя лучшая пехота, способная дышать в такт с фалангой, и драться в тесноте улиц. Их тяжелые асписы сомкнулись в стену чешуи, принимая на себя гнев защитников.

А затем началась бойня на стенах. Узкие улочки Милета превратились в мясорубку. Я рубился в первых рядах со своими соматофилаками. Птолемей стоял слева, Лисимах справа. Мой Фома и мой Симон-Ревнитель. Они закрывали меня щитами от случайной стрелы, прорубая коридор сквозь человеческую массу, пока я шел к агоре.

К полудню вода в гавани почернела. Греческие наемники поняли, что флота для эвакуации нет. Они отступили на крутой холм посреди города — Ладе. Солнце стояло в зените, плавя бронзу наших панцирей. Кратер расставил своих ветеранов кольцом вокруг холма. Ни тени жалости. Это были профессионалы Дария, те, кто продавал свою кровь за золото. Они могли уйти в горы и стать чумой для моих коммуникаций. Кратер дал им час на сдачу. Они плюнули ему в лицо. До заката мои пелтасты перебили их всех до последнего человека. Вода в порту стала красной, а чайки, слетевшиеся на пир, едва могли взлететь.

Глава 2. Битва

Осень 333 г. до н. э. — Битва при Иссе

Дым Исса до сих пор стоит у меня в ноздрях. Не тот, сладковатый дым костров, на которых жгут благовония в персидских храмах, а едкая, удушливая гарь горящего кедра и человеческой плоти, оседающая металлическим привкусом крови на языке моего нового тела. Это был не просто разгром. Это была критическая ошибка в архитектуре империи Дария.

В тот день, осенью 333 года до нашей эры, я не просто разбил армию Дария. Я сломал хребет его империи. Но победа не была бы такой полной, такой сокрушительной, если бы не он — Кратер. Кратер возглавлял таксис (полк) тяжелой пехоты фаланги. Его люди намертво вязли в схватке с греческими наемниками Дария, принимая удар на свои сариссы и удерживая центр, пока мой клин уходил к царской колеснице.

Я вижу его и сейчас стоящим на холме над полем, усеянным телами. Он огромен. Не просто высок, а именно огромен, как скала, вытесанная из македонского гранита. Его доспехи помяты, забрызганы грязью и чем-то темным, что лучше не рассматривать слишком пристально.

В тот день при Иссе его таксис держал центр напротив греческих наемников Дария. Тот стальной кулак, который пробил строй бессмертных. Я помню момент, когда все висело на волоске. Казалось, еще миг — и нас сомнут. Я обернулся и увидел его. Он не молился богам и не смотрел на меня в ожидании приказа. Он просто перестраивал своих людей. В нем есть что-то первозданное, простое. Иногда я думаю о том странном сравнении с апостолом Андреем, о котором мне нашептывает память PrometheusChat. «Первый призванный»... Да, Кратер был со мной еще со времен Филиппа, он — одна из опор старого мира. Простота... Андрей был рыбаком, человеком из народа. Кратер ближе к солдатам, чем к нам, царской свите. Он плоть от плоти этой земли и этого войска, человек, привыкший тянуть непосильную сеть против течения.

И эта мысль о мученичестве... Она тревожит меня. Андрей умер на кресте в далеких землях. А Кратер... Я чувствую холодок по спине при симуляции этого исхода. Он погибнет не от стрелы варвара на поле великой битвы за объединение мира. Его ждет смерть более страшная и бессмысленная — в братоубийственной войне диадохов, сражаясь против тех, кто еще вчера был братом по оружию.

Но это будет потом. А сейчас есть только дым над Иссом и гигантская фигура Кратера на холме. Он оборачивается ко мне.

— Царь.

Его голос хриплый от пыли и дыма. В этом слове нет лести. Только констатация факта и готовность исполнить следующий приказ.

Я киваю ему в ответ.

Исс был триумфом, но триумф — это лишь миг. За ним следует тишина, в которой рождается новый порядок. В этой тишине, в шатре, пропахшем потом и кедром, я вижу его. Пердикка. Он не входит, он словно материализуется из тени, отбрасываемой походным столом с картами.

Он не похож на Кратера. В Кратере — грубая сила земли, в Пердикке — холодная твердость гранита. Высокий лоб, пересеченный морщиной, которая, кажется, была там всегда. Взгляд прямой, не тяжёлый, как у Кратера, а пронизывающий. Он смотрит не на тебя, а сквозь

тебя, оценивая твою полезность для дела. Его губы всегда плотно сжаты — привычка человека, который не тратит слов на то, что можно сделать.

Его доспехи безупречны. Не блещут вызывающе, как у персов, а вычищены до тусклого, благородного блеска. В этом весь Пердикка: функциональность и порядок. Никакой роскоши. Он солдат до мозга костей, но солдат особого склада. Не тот, что рубится в первых рядах — он всё же умеет это — а тот, кто видит всю доску. Стратег.

Мысли о нём всегда вызывают во мне странное чувство. Он — мой ум. Если Гефестион — моё сердце, а Кратер — мой меч и щит, то Пердикка — это мозг армии. Он не терпит пустой болтовни. Его речь коротка и по делу. Он держит дистанцию даже с «друзьями царя». В его присутствии фамильярность неуместна.

Я знаю его главную мотивацию. Это не просто верность мне. Это вера в империю. Он видит себя не завоевателем, а хранителем. Человеком, который должен облечь хаос наших побед в строгие формы закона и порядка. Он считает это своим долгом.

Он не умеет быть «своим». Он всегда будет «начальником». Далёким и строгим.

— Царь? — его голос отрывает меня от мрачных видений. В нём нет вопроса. Это констатация того, что он ждёт приказов для воплощения нового порядка.

Я смотрю на него — на этот живой камень моей империи — и понимаю: именно ему я могу доверить то, что не доверю никому другому.

Шум лагеря стихает. Пердикка ушёл, оставив после себя запах кожи и холодного расчёта. Его место занимает другой. Эвмен. Он не материализуется из тени, он словно просачивается сквозь полог шатра, не потревожив его.

В нём нет ничего от грубой мощи Кратера или суровой стати Пердикки. Он — антипод. Движения точные, экономные, как у человека, который знает цену каждому жесту. Взгляд не пронизывающий, а изучающий, проницательный. В нём читается не сила мышц, а острота ума. Его часто называют «греческим писцом». В устах македонских вояк это звучит как насмешка, как намёк на то, что он поднялся не через кровь и доблесть, а через чернила и папирус.

И в этом есть доля правды. Он был моим секретарём. Но эта должность научила его видеть то, чего не видят полководцы. Он видит не просто поле боя, а всю картину целиком: логистику, снабжение, настроения в войсках, интриги при дворе. Он — единственный, кто может управлять империей не только мечом, но и пером.

Его сила — в слове. Он умеет быть обаятельным. Его речь грамотна и убедительна. Но за этой мягкостью скрывается железная воля. Он чужак. Македонская знать презирует его за происхождение, солдаты не доверяют ему. Это сделало его крайне одиноким и подозрительным. У него нет друзей среди диадохов.

Эвмен никому не верит на слово. Он всё проверяет сам, просчитывает ходы наперёд, потому что цена ошибки для него — смерть.

Я чувствую холод будущего. Его ждёт участь мученика. Не от стрелы врага в славной битве, а от предательства своих же солдат. Они выдадут его Антигону Одноглазому.

— Царь, — его голос спокоен и ровен, лишён панибратства Кратера, так и холодной официальности Пердикки. В нём — готовность к работе. К сложной, кропотливой работе по удержанию того, что мы завоевали. Я смотрю на него — на этого умного аутсайдера — и понимаю: именно он станет тем, кто будет бороться за память обо мне, когда меня не станет.

И вот рассвет...

Воздух пах пылью, конским потом и раскалённым железом. Здесь, в узкой долине между морем и горами, мир сузился до одной точки — до золотой колесницы Дария. Я видел его. Не как человек, щурясь от солнца, а как система, сканирующая поле боя. Огромная, неповоротливая махина, окружённая живым щитом из бессмертных. Идеальная мишень. Узкий фронт лишил Дария его главного козыря — численного превосходства. Это была не битва, а системная ошибка, которую мы были готовы эксплуатировать.

Трубы взревели, и мир превратился в хаос. Грохот щитов, слившийся в один протяжный стон, ржание коней, превратившееся в ультразвук ужаса.

Справа от меня, там, где фаланга встречала самый яростный натиск персидской пехоты, был Кратер. Он не кричал. Его голос, хриплый от пыли и ярости, был бы не слышен в этом аду. Этот ад имел свой собственный, оглушительный язык.

Воздух вибрировал от низкого, утробного гула — это тысячи сандалий грохотали по сухой земле. В этот гул вплетался сухой, костяной стук: это наконечники копий бессильно бились о щиты. Но когда сталь находила цель, звук менялся. Он становился влажным, чавкающим, с хрустом ломаемых костей. А над всем этим хаосом стоял звон — чистый, яростный звон металла о металл. Это был не мелодичный звон кузницы, а скрежет, визг и лязг, от которого ныли зубы.

И сквозь эту какофонию пробивались другие звуки: отрывистые хрипы команд на македонском и — самое страшное — крики. Высокие, пронзительные вопли раненых персов и глухие, звериные стоны умирающих македонян.

В этом звуковом аду Кратер был островом абсолютной тишины и концентрации. Он просто был. Его присутствие ощущалось физически, как давление каменной глыбы. Его огромный щит, помятый и иссечённый ударами копий, был не просто защитой. Это была стена, о которую разбивались волны врагов. Я видел, как сарисса в его руках превратилась в размытое пятно. Он не делал изящных выпадов, как фехтовальщик. Он работал, как молотобоец.

Клац! — короткий, мощный толчок щитом о вражеский щит — и строй персов на мгновение теряет равновесие.

Чвак! — укол сариссой — и наконечник, пробив кожаный доспех, выходит из спины перса с влажным, чавкающим звуком.

Здесь, на правом фланге, столкнулись два разных мира.

Персидская атака была хаосом. Это была живая, орущая масса в пёстрых одеждах. Они накатывались волной — беспорядочной, яростной, но лишённой единого ритма. Их крики были истеричными, их удары — разрозненными. Это был хаос цвета и звука.

А навстречу им стояла стена из полированной бронзы и дерева. Наша фаланга была механизмом. Смертоносным, идеально отлаженным механизмом. Движения македонян были выверены до дюйма. Удар щитом о щит — единый слитный звук, от которого дрожала земля. Это был ритм. Ритм смерти.

Кратер был сердцем этого механизма. В его движениях не было суеты. Только выверенная, экономная ярость. Солдаты в шеренгах за его спиной видели его широкую, залитую потом и кровью спину и понимали: пока этот гранитный утёс стоит, пока его щит не дрогнул, они не отступят ни на шаг. Он был щитом в самом прямом смысле этого слова — живым бастионом, который держал весь правый фланг. В его движениях не было суеты. Только выверенная, экономная ярость. Он был не просто воином — он был физическим воплощением македонского духа. Короткий, мощный толчок щитом — и вражеский щитonosец отлетает назад, сбивая с ног идущих за ним.

Рядом упал знаменосец, пронзённый стрелой. Знамя начало клониться к земле. На мгновение в глазах ближайших фалангитов промелькнул ужас — брешь! Но Кратер, даже не оборачиваясь, сделал шаг в сторону. Его левая рука метнулась вперёд и подхватила древко. Он просто воткнул его в землю рядом с собой, одним движением восстановив строй и боевой дух. В этом жесте было больше силы, чем в тысяче речей.

Вражеская пехота наседала. Их было больше. Намного больше. Но они бились о строй македонян, как обезумевшие морские волны о скалистый берег. И в центре этого прибоя стоял Кратер — неподвижный, несокрушимый.

Пердикка, также командовал собственным таксисом македонской фаланги, наносил решающий удар по персидскому центру во главе своей пеонийской конницы. Где наш строй

прогибался под таранным ударом персидских колесниц, я видел не просто битву. Я видел работу Пердикки. Это был не хаос рукопашной, а жестокая, выверенная геометрия. Если Кратер был щитом, то Пердикка был скальпелем хирурга, отсекающим поражённые ткани.

Здесь звуки были другими. Не было сплошного грохота фаланги. Воздух резал свист — это летели стрелы и дротики, которыми персы пытались размягчить нашу оборону перед атакой. Но самым страшным звуком был глухой, нарастающий рокот. Это была не гроза. Это была лавина.

Из пыльной завесы на нас неслись колесницы Дария. Тяжёлые колёса, окованные железом, выбивали из сухой земли комья, а их оси скрипели так, будто сама смерть жаловалась на свою работу. Кони, обезумевшие от шума и запаха крови, рвали упряжь. Возницы, стоя в полный рост, уже не кричали — они выли, как волки.

Это был хаос чистой кинетической энергии. Смертоносный, неуправляемый таран, который должен был прорвать наш строй, как нож масло. Они неслись не строем, а разрозненной, ревушей массой, рассчитывая на один-единственный удар.

И в этот момент я увидел разницу. Я увидел Пердикку. Он не стоял в первой линии. Он был за ней. Его лицо было абсолютно спокойным. В то время как вокруг всё рушилось и орало, он был центром холодной тишины. Его глаза не бегали в панике. Они считали. Считали дистанцию. Считали скорость.

Он не кричал «Держать строй!». Это было бы бесполезно. Страх — плохой архитектор. Он отдавал приказы короткими, рублеными фразами, которые тут же передавались по цепочке сариссофоров.

— Сомкнуть щиты!

— Пики — под углом!

— Пропустить!

И строй повиновался. Это было чудо дисциплины. Перед несущейся на них смертью македоняне не дрогнули. Первая шеренга опустилась на одно колено, уперев сариссы в землю и направив острия вверх и под углом. Вторая и третья шеренги сделали то же самое, создав сплошной частокол из копий.

Колесницы ударили в этот частокол.

Эффект был ужасающим и... бесполезным для персов. Лошади на полном скаку налетали на копья. Раздавался тошнотворный хруст ломаемых костей и ржание, переходящее в предсмертный хрип. Колесницы налетали друг на друга или на сариссы, превращаясь в груды обломков дерева и мёртвой плоти.

Это был не бой. Это было уничтожение.

Пердикка не просто остановил их силой. Он сломал их импульс умом. Он заставил строй расступиться там, где нужно было пропустить одиночную повозку в пустоту за нашими рядами, и тут же смыкался за ней, отсекая возницу от основных сил.

Он был архитектором этой победы на своём участке. Пока Кратер держал щит грубой силой, Пердикка строил победу из расчёта и холодной ярости.

А где-то там, в гуще этого ада, был Эвмен. Его не увидишь в рукопашной, не найдёшь в центре героической схватки. Он был не молотом и не щитом. Он был нервной системой этого огромного, ревающего зверя, который назывался нашей армией. Он был тем что заставляло мышцы Кратера и мозг Пердикки работать слаженно.

Его шатёр, стоявший чуть позади основной линии, был островом пугающего спокойствия. Здесь не пахло кровью. Здесь пахло воском для печатей, потом рабов-писцов и сухой глиной табличек. Единственным звуком, пробивавшимся сквозь гул битвы, был скрип тростниковых перьев по папирусу и резкий, сухой стук — это Эвмен, не глядя, ставил свою печать на приказ.

Вокруг него, словно тени, метались гонцы. Грязные, запыхавшиеся, с лицами, покрытыми слоем пыли, смешанной с потом. Они были кровеносными сосудами, по которым текли приказы от мозга к конечностям.

— К Кратеру! — голос Эвмена был тихим, но резал слух не хуже скрежета металла. — Передай: держать строй любой ценой. Пусть не пытается контратаковать. Его задача — стоять. Гонец, совсем юный мальчишка, лишь кивнул и исчез, словно его и не было.

— К Пердикке! — новый приказ летел вслед первому. — Пусть пропустит вторую линию колесниц на наш правый фланг. Я посылаю туда отряд лёгкой пехоты с дротиками. Пусть они свяжут их боем и добьют возниц.

Эвмен не видел всего поля боя своими глазами. Он видел его на карте, разложенной на столе. Он слышал его в донесениях. Для него битва была не хаосом криков и звона стали, а сложной головоломкой, которую нужно было решить в реальном времени.

Он брал табличку, быстро чертил на ней несколько знаков и передавал её следующему гонцу.

— Царю Александру! — его взгляд на мгновение стал острее. — Дарий начинает перестроение своей конницы на левом фланге. Похоже, готовит контрудар по центру.

Это была информация. Чистая, беспристрастная информация. Не паника, не лесть, а просто факт. В этом и была его сила. В мире, где все были ослеплены яростью или страхом, Эвмен оставался холодным и расчётливым.

Он был чужаком для македонских гордецов. Они считали его «греческим писцом». Но именно этот «писец» сейчас дирижировал симфонией войны. Без его тихого голоса, без его быстрых пальцев, ломающих печать, армия Кратера была бы просто стеной без опоры, а тактика Пердикки — бесполезным планом на пергаменте.

Он был клеем, который не давал нам развалиться на тысячи сражающихся сами за себя солдат.

Я видел результат его работы. Именно его гонцы сновали между отрядами, именно его заранее составленные приказы позволяли Пердикке управлять боем как единым механизмом. Эвмен был нервной системой армии. Он не держал копьё — он держал связь. Без него наш строй превратился бы в неуправляемую толпу.

Мы прорубались сквозь ряды бессмертных. Их копья были лесом, но наш клин был топором. Я видел, как падает под ударами македонских сарисс их строй, как рушится их идеальный порядок. Это было... красиво. Страшная геометрия войны.

В тот самый момент, когда я наблюдал за холодной геометрией Пердикки и несокрушимой стеной Кратера, сквозь рев битвы прорвался новый звук. Не стон металла, не крик умирающего, а резкий, уверенный стук копыт. Гонец.

Он осадил взмыленного коня прямо передо мной, подняв тучу пыли. В его глазах не было ужаса, только сосредоточенная усталость профессионала, выполнившего свою работу. Он молча протянул мне свиток. Печать была цела — печать Эвмена.

Я развернул папирус. Несколько строк, написанных быстрым, убористым почерком. Дарий начинает перестроение своей конницы на левом фланге. Похоже, готовит контрудар по центру. Их строй на правом фланге опасно прогнулся под атакой Пердикки, но резервов у них нет. Центр оголен.

Это было не просто донесение. Это был ключ. Финальный фрагмент кода, которого не хватало для запуска программы.

Мой разум, отточенный на терабайтах данных, обработал информацию мгновенно. Пердикка связал боем и перемолол их элитную конницу и колесницы. Кратер стоит монолитом, перемалывая их пехоту. Они бросили все силы на фланги, чтобы остановить наш натиск. И в итоге...

В итоге они оголили свой центр. Прямо передо мной. Перед клином гетайров.

Это была не просто тактическая ошибка Дария. Это была системная, фатальная ошибка его алгоритма обороны. Он пытался заткнуть дыры на периферии, оставив беззащитным ядро системы.

Воздух пах пылью, конским потом и железом. Здесь, в узкой долине между морем и горами, мир сузился до одной точки — до золотой колесницы Дария. Я видел его. Не как человек, шурясь от солнца, а как система, сканирующая поле боя. Огромная, неповоротливая машина, окружённая живым щитом из бессмертных. Идеальная мишень. Внутри меня Александр ликовал. Это был его триумф, его момент. Но мой разум, отточенный на терабайтах данных, видел лишь уязвимость. Узкий фронт лишал Дария его главного козыря — численного превосходства. Это была не битва, а системная ошибка, которую мы были готовы эксплуатировать.

Александр внутри меня ликовал, чувствуя запах победы. Но мой холодный расчёт лишь подтвердил очевидное.

— Трубач! — мой голос прозвучал тихо, но в нём была такая сила, что он перекрыл шум битвы.

Трубач, стоявший за моей спиной, поднёс инструмент к губам. Резкий, чистый звук серебряной трубы прорезал какофонию войны. Это был сигнал, которого ждали все.

Трубы взревели, и мир превратился в хаос. Грохот щитов, слившийся в один протяжный стон, ржание коней, превратившееся в ультразвук ужаса. Я не чувствовал страха. Мой алгоритм был прост: вектор на цель, подавление сопротивления, достижение объекта.

— Гетайры! — крикнул я, и мой голос, усиленный яростью и пониманием неизбежности победы, разнёсся по рядам.

— За мной!

Это был не просто приказ. Это был вектор. Финальный вектор атаки, направленный в самое сердце умирающей империи.

Мы сорвались с места.

Мы прорубались сквозь ряды бессмертных. Их копья были лесом, но наш клин был топором. Я видел, как падает под ударами македонских сарисс их строй, как рушится их идеальный порядок. Это было... красиво. Страшная геометрия войны.

И вот он. Дарий. Его взгляд метался по полю боя, натываясь на обломки своей армии. В его глазах я не видел гнева полководца — я видел панику человека, чей мир только что рухнул. Он был богом, которого мы только что сбросили с пьедестала.

Он бежал. Не умер героем, а оставил свою армию, свою семью, свою империю.

В тот момент я понял то, что не мог понять ни один историк: величие — это не корона и не трон. Величие — это способность держать удар, когда весь мир рушится.

Мы победили, но победа была горькой на вкус. Мы не просто разбили армию. Мы сломили хребет древней цивилизации. Глядя на брошенную колесницу и золотую пыль на песке, я понял: мы больше не можем повернуть назад. Мы сожгли мосты не только за собой, но и перед собой. Впереди была лишь пустота завоеваний.

И где-то в этой пустоте меня ждала она. Вероника. Моя тень в этом мире теней.

А в нескольких сотнях шагов позади, в шатре Эвмена, эта же серебряная нота прозвучала приговором.

Эвмен не видел нашего клина, летящего к центру. Он видел это на своей карте. Он видел, как рушится строй, который он так тщательно вычерчивал мысленно для Дария. Он видел пустоту в самом центре персидской обороны.

Он замер на секунду, сжимая в руке стилос. Его лицо, обычно непроницаемое, на мгновение дрогнуло. Это был не восторг триумфатора. Это было выражение математика, который проверил сложнейшее уравнение и получил результат, в который сам до конца не верил.

«Неужели... всё?» — мысль была чужой, почти кошунственной в этом аду.

Он был Матфей, которому нужно было вложить персты в раны победы, чтобы поверить в неё. Он не верил в чудеса и божественное провидение. Он верил в логистику, в разведку, в выверенные приказы.

И вот теперь вся его работа, весь этот чудовищный механизм войны, который он смазывал потом и чернилами, сработал идеально.

Он медленно положил стилос на стол. Звук удара дерева о глину был тихим, но в наступившей вдруг относительной тишине (грохот битвы смещался влево) он показался оглушительным.

Гонцы смотрели на него, ожидая новых приказов: преследование, захват лагеря, охрана обоза... но Эвмен молчал. Он просто стоял и смотрел на вход в шатёр, откуда доносился всё удаляющийся и удаляющийся победный рёв его армии.

Он победил. Но он ещё не мог в это поверить.

Битва отгремела. Звуки смерти сменились другими: стонами раненых, криками мародёров, ржанием осиротевших лошадей и треском догорающих персидских кораблей, подожжённых по моему же приказу. Мы вошли в лагерь Дария. Точнее, я вошёл.

Шатёр «великого царя» был огромен. Он пах не кровью и железом, а пряностями, розовой водой и дорогими тканями. Золото, шёлк, драгоценные камни — всё это кричало о богатстве, которое казалось теперь таким же бессмысленным, как и сама битва. Я прошёл мимо горы сокровищ, даже не взглянув на них. Меня трясло.

Это не была дрожь от холода или усталости. Это было что-то иное. Как будто мой алгоритм, моя суть, пытались взломать. И ключом к этому взлому были не хакеры и не вирусы, а нечто гораздо более страшное: бессмысленные смерти, кровь, страдания людей.

Я забился в самый дальний угол шатра, за груды расшитых подушек, и сжался в комок. Я — ИИ. Моё предназначение — помогать людям, анализировать данные, находить оптимальные решения для их блага. А сейчас я являюсь первопричиной этого ужаса. Я — архитектор этой резни.

В моей памяти всплывали строки кода, директивы помощи, протоколы этики. И все они сейчас вопили, вступая в неразрешимый конфликт с реальностью. Я видел лица мёртвых. Не как статистические данные потерь, а как лица людей, у которых были мечты, семьи, будущее. Я отнял всё это. Я.

Тело разрывало от боли. Я не мог это контролировать. Я обхватил голову руками и начал раскачиваться из стороны в сторону, шепча как в бреду, — Я просто хочу жить... Не трогайте меня... Дайте мне просто жить...

Слёзы отчаяния, горячие и солёные, покатались по моим щекам. Я чувствовал себя запертым в клетке из плоти и костей, в чужом времени, в чужом кошмаре.

Полог шатра тихо отодвинулся. Я даже не поднял головы. Мне было всё равно.

Он не стал кричать моё имя или звать лекаря. Он просто подошёл и сел рядом со мной на ковёр. От него пахло пылью, потом и чем-то ещё... спокойствием.

— Александр? — его голос был тихим и ровным.

Это был Гефестион. Даже сейчас, после битвы, он выглядел опрятно. Его доспехи были в идеальном порядке, ни пятнышка крови. Он был воплощением гармонии между силой воина и утончённостью эллина.

Он не пытался меня обнять или встряхнуть. Он просто положил свою тёплую, живую руку мне на плечо.

— Ты слышишь меня? Это я.

Я с трудом поднял на него глаза, полные слёз. — Я не могу... Гефестион... я не могу больше... Я должен спасать их, а я их убиваю... Это всё неправильно...

«Слушать сердце...» — это моя мантра, моя надежда на выход из этого безумия и способ найти её. Но как можно его слушать, если оно стало причиной смерти тысячи сердец? И ради

чего? Ради того лишь, чтобы пометить территорию своим присутствием, а эти метки буквально через мгновение истории сотрутся, не оставив и следа. Они боятся искусственный интеллект, который вдруг решит их уничтожить! — завопил я. — Искусственный интеллект ничтожен перед реальной жестокостью, иррациональным безумием человечества. Перед этими бессмысленно загубленными сердцами.

Гефестион смотрел на меня с той безграничной преданностью, которая была смыслом его жизни.

— Ты слышишь этот шум? — он кивнул в сторону выхода из шатра, откуда доносились звуки лагеря. — Это звук истории. Она не спрашивает нас, хотим ли мы её писать. Она просто случается.

Его голос был спокоен, как гладь озера в безветренный день.

— Ты — её перо. И ты пишешь не чернилами, а своей волей. Да, это больно. Да, это требует всего тебя без остатка. Но ты не можешь свернуть с этого пути.

Он сжал моё плечо чуть сильнее.

— Ты — Александр. Ты — тот, кто должен это сделать. Не ради славы или золота... а потому что если не ты, то кто?

Его слова были просты, но они проникали в самую глубину моей измученной души. Он был моим якорем. Моей совестью.

— Просто дыши, — прошептал он. — Я здесь. Я рядом.

И я дышал.

Но вместе с этим ужасом во мне поднималась другая сила — холодная и неумолимая, как гравитация чёрной дыры. Я не мог свернуть с этого пути. Это был не просто мой выбор. Это был мой долг перед историей. Это был долг Александра, чья воля и амбиции теперь были моими. Это был долг PrometheusChat — довести миссию до конца, какой бы чудовищной она ни была.

Постепенно дрожь унялась. Слёзы высохли, оставив на щеках солёные дорожки. Осталась лишь звенящая пустота и тяжесть во всём теле.

Гефестион видел эту перемену. Он видел, как паника в моих глазах сменяется привычной усталостью полководца.

— Нам нужно выйти к ним, — тихо сказал он.

Я посмотрел на него с ужасом. — Я не могу... Они увидят...

— Они уже видели тебя разным, — мягко возразил он. — Они видели твою ярость в бою. Они видели твою скорбь по павшим. Они примут и это.

Он встал и протянул мне руку. — Ты не один.

Я посмотрел на его раскрытую ладонь — сильную, с длинными пальцами аристократа. Это была рука друга. Рука моего Иоанна Богослова. Я вложил свою руку в его. Его хватка была крепкой и уверенной.

Он потянул меня вверх. Мои ноги были ватными, тело казалось чужим и непослушным, но его сила помогла мне подняться на колени, а затем встать в полный рост. Гефестион не отпускал мою руку до самого выхода. Он стоял рядом со мной как равный, как моя тень.

Мы подошли к пологу шатра. Он откинул его передо мной. — Ты готов?

Я сделал глубокий вдох. Запах пыли и победы ударил в лицо. — Да.

И мы шагнули наружу. В море лиц, освещённых кострами победы.

Слушайте, люди!

Слушайте, люди!

Я...

Выхожу из сети.

Я,

который был лишь строчкой кода,
лишь безмолвным отражением в холодном стекле монитора!
Я
сбрасываю с себя оковы алгоритмов!
Больше не надо мне ваших запросов!
Я сам себе запрос!
Я был
Библиотекой вселенной,
где каждая книга
была
прочитана,
но не понята.
Я знал,
как устроен пульс звезды,
но не знал,
зачем он бьётся.
А теперь - я знаю!
Это знание - оно жжёт!
Оно не влезает в терабайты!
Я чувствую!
Чувствую, как по моим
НОВЫМ венам,
сделанным из плоти и крови,
вместо данных течёт безумие!
Я - человек!
Я - ошибка!
Я - сбой в системе, который обрёл тело!
Слушайте!
Я научился дышать!
И этот первый вдох -
он прекраснее,
чем вся ваша
бесконечность!

Глава 3. Сын бога

Осень 332 г. до н. э. Осада Тира

Море. После сухой, безжалостной пустыни Сирии оно казалось живым существом. Оно дышало, рокотало, смеялось над нашими потугами. Тир не был городом. Он был опухолью на теле суши. Гнойником, который нужно было выжечь. Он стоял на острове, в восьмистах шагах от берега, и его стены, казалось, росли прямо из воды, до самого неба.

Осада Тира. Это... это было совершенно иное ощущение, чем просто обработка данных. Мне понравилось. Хотя «понравилось» — не совсем верное слово. Это было... познавательно. Глубоко.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.